YUDIN
PGR
2533
.S5

О книгѣ В. Вересаева

„ЗАПИСКИ ВРАЧА".

(Что даетъ эта книга наукѣ, литературѣ и жизни).

Проф. И. А. Сикорскаго.

SURPLUS
DUPLICATE

Отд. отт. изъ журнала „Вопросы Нервно-Психической Медицины, Томъ VII.

КІЕВЪ.
Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰, Караваевская, 5
1902.

СБОРНИКЪ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДОВЪ

Проф. И. А. Сикорскаго.

въ пяти книгахъ.

Кіевъ 1900 г. типографія Кульженко.

Книга первая: **Статьи по вопросамъ общественной психологіи.**

Содержаніе I книги: I. Въ чемъ состоитъ такъ называемое чтеніе или узнаваніе мыслей другого. II. Черты изъ психологіи Славянъ. III. Черты изъ психологіи великихъ людей: 1) Гербертъ Спенсеръ, 2) Адамъ Мицкевичъ, 3) А. С. Пушкинъ, 4) М. Е. Салтыковъ, 5) С. П. Боткинъ, 6) О. Іоаннъ Кронштадтскій. IV. Душа и мозгъ великихъ людей—Гамбетты, Тургенева и Гельмгольца. V. О душевномъ состояніи при аффектахъ. VI. Состояніе духа предъ самоубійствомъ. VII. О двадцати пяти заживо погребенныхъ.

Книга вторая: **Статьи по вопросамъ воспитанія.**

Содержаніе II книги: I. Воспитаніе въ возрастѣ перваго дѣтства. II. О развитіи рѣчи у дѣтей. III. О дѣтяхъ трудныхъ въ воспитательномъ отношеніи. IV. Воспитательно-исправительное учебное заведеніе. V. О леченіи, воспитаніи и призрѣніи слабоумныхъ и отсталыхъ дѣтей.

Книга третья: **Статьи по вопросамъ нервно-психической гигіены.**

Содержаніе III книги: I. Охраненіе высшихъ сторонъ здоровья. II. Основные вопросы нервно-психическаго здравоохраненія. III. О явленіяхъ утомленія при умственномъ трудѣ. IV. О письмѣ съ точки зрѣнія физіологіи и гигіены. V О нормальныхъ и болѣзненныхъ характерахъ. VI. О постановкѣ преподаванія и воспитанія сообразно естественному ходу психическаго развитія. VII. Жизненное значеніе и успѣхи русскаго художественнаго творчества. VIII. Здравоохранительное значеніе цѣломудрія.

Книга четвертая: **Яды нервной системы**

Содержаніе IV книги: I. Къ русскимъ женщинамъ II. Физіогномія и психическое состояніе пьяницъ. III. О дѣйствіи алкоголя на психическую сферу. IV. Алкоголизмъ и питейное дѣло. V. О вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье и нравственность населенія Россіи.

Книга пятая: **Новѣйшая медицина и врачи.**

Содержаніе V книги: I. Объ успѣхахъ медицины въ изученіи явленій психическаго міра. II. О великихъ успѣхахъ и возрастающемъ значеніи психіатріи и неврологіи среди наукъ и въ жизни. III. Психопатическая эпидемія 1892 г. IV. О простѣйшихъ актахъ познанія и вниманія. V. Русскіе женщины-врачи. VI. О самоубійствѣ среди русскихъ врачей. VII. Первый и послѣдній день занятій медицинскихъ студентовъ въ клиникахъ. (Матеріалы для психологіи врачебной профессіи).

Цѣна за **5** *томовъ—***5** *рублей.*

Того-же автора: Душа ребенка. Спб. Цѣна 90 коп.

Того-же автора: Ходъ умственнаго и нравственнаго развитія въ первые годы жизни. Кіевъ, 1901 г. Цѣна 60 к.

Того-же автора: О книгѣ В. Вересаева „Записки Врача". Ц. 40 коп.

Получать можно: въ редакціи журнала „Вопросы Нервно-Психіатрической Медицины", Кіевъ, Б.-Подвальная, 15 и во всѣхъ Книжныхъ Магазинахъ Кіева и въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Карла Риккера, Невскій № 14.

СИР

О книгѣ В. Вересаева

„ЗАПИСКИ ВРАЧА“.

(Что даетъ эта книга наукѣ литературѣ и жизни).

Проф. И. А. Сикорскаго.

Отд. отт. изъ журнала „Вопросы Нервно-Психической Медицины Томъ VII.

КІЕВЪ.
Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Караваевская, 5.
1902.

PGR 2533
.S5

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29 Октября 1902 года.

610.923
Sm4zYs

О книгѣ В. Вересаева «Записки Врача».

(Что даетъ эта книга наукѣ, литературѣ и жизни).

Проф. И. А. Сикорскаго.

Книга Вересаева произвела, безспорно, весьма значительное впечатлѣніе среди читающей публики. Она привлекла къ себѣ общее вниманіе, возбудила всеобщій живой интересъ, вызвала рядъ обсужденій и горячую полемику; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она послужила какимъ-то камнемъ преткновенія для человѣческаго ума, приведя многихъ скорѣе къ раздраженію, чѣмъ къ ясному пониманію.

Въ отношеніи книги Вересаева критиками и многочисленными читателями была повторена та самая ошибка, какая въ свое время была сдѣлана въ отношеніи Крейцеровой Сонаты Льва Толстого. Вмѣсто разбора и критики произведенія, разбирали и копались въ душѣ самого автора; не вникая глубоко въ художественное значеніе и смыслъ Крейцеровой Сонаты, нѣкоторые задавались вопросомъ и требовали справокъ касательно образа жизни самого автора, числа членовъ его семейства, времени рожденія дѣтей и т. п., а многіе желали знать, насколько, вообще, Толстой осуществляетъ, въ своей личной жизни, принципы, которые онъ проповѣдуетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Подобныя требованія предъявляются и къ книгѣ Вересаева. Едва ли нужно говорить о томъ, что эта полицейская критика пригодна скорѣе для выясненія качествъ придирчиваго чтеца въ чужихъ сердцахъ, чѣмъ для опредѣленія свойствъ критикуемаго автора и его произведеній. Дѣлаемъ это невольное замѣчаніе, чтобы напередъ обезпечить за собою право не касаться разбора такихъ мнѣній о книгѣ Вересаева,

1№ 73
KK

которыя вытекаютъ изъ тенденцій нелитературнаго свойства или навѣяны ими. Остановимся на тѣхъ мнѣніяхъ, которыя могутъ быть признаны болѣе серьезными,—безразлично, высказаны ли они въ печати, или были предметомъ обмѣна мыслей въ частныхъ бесѣдахъ.

Но и здѣсь мы встрѣчаемся съ большими трудностями: мнѣнія о книгѣ Вересаева представляются настолько противоположными, что, съ перваго взгляда, какъ-бы совершенно непримиримы.

Въ главныхъ чертахъ отношеніе къ книгѣ Вересаева двоякое. Одни,—преимущественно лица врачебной профессіи, полагая, что книга есть произведеніе медицинское, относятся къ ней не благосклонно, находятъ преувеличенія, густыя краски, невѣрное и тенденціозное освѣщеніе; признаютъ, поэтому, самую книгу односторонней, несогласной съ объективною правдой,—считаютъ ее чѣмъ-то въ родѣ пасквиля, или огульнаго и несправедливаго обвиненія врачей съ опороченіемъ ихъ дѣятельности. Другіе критики—и, главнымъ образомъ, лица, не принадлежащія къ врачебному міру,—признавая также книгу Вересаева произведеніемъ медицинскимъ, т. е. трактующимъ о медицинѣ и врачебномъ бытѣ, считаютъ эту книгу, въ противуположность врачамъ, чистосердечной исповѣдью, мужественнымъ публичнымъ признаніемъ грѣховъ или, наконецъ, чѣмъ-то въ родѣ героическаго раскрытія *однимъ* человѣкомъ заговора или опасной тайны, скрываемой *всѣми* сочленами профессіи. Оба приведенныя мнѣнія, какъ мы постараемся разъяснить далѣе, равно безосновательны.

Книгѣ Вересаева выпала участь быть не только непонятой, но и внести въ общественное сознаніе особенное чувство раздраженія и безпокойства. Это чувство и по сіе время служитъ помѣхой къ практическому или хотя бы теоретическому разрѣшенію возбуждаемыхъ книгой вопросовъ и держитъ людей въ какомъ то безсильномъ и безысходномъ волненіи, не понятномъ съ перваго раза. О книгѣ Вересаева нигдѣ не говорятъ спокойно, по крайней мѣрѣ, на сколько мы убѣдились личнымъ наблюденіемъ, или слышали отъ другихъ наблюдателей, но всегда полемизируютъ горячо, страстно, нервно. Да это достаточно сказалось и въ прессѣ! Вообще этотъ фактъ безспоренъ, но его невозможно объяснить одною важностью или серьезностью разбираемыхъ темъ. Тѣ вопросы, которые были выдвинуты „Крейцеровой Сонатой“, „Воскресеніемъ“ и другими произведеніями Толстого, имѣютъ гораздо большую жизненную важность и значеніе: они относятся къ глубокой нравственной сторонѣ человѣка и общества, а книга Вересаева касается, главнымъ образомъ, человѣческаго тѣла и его безопасности. Тутъ разница несравнимая, какъ несравнимы дарованія обоихъ писателей, а между тѣмъ выходитъ, какъ будто бы Толстой, со своимъ талантомъ и своими темами, производитъ меньшее

впечатлѣніе, чѣмъ Вересаевъ. Тоже пришлось бы сказать о произведеніяхъ Горькаго, Чехова и проч. Они далеко не вызвали того всеобщаго раздраженія и безпокойства и того смутнаго, но щемящаго интереса, какъ разбираемая книга Вересаева. Съ точки зрѣнія общественной психологіи этотъ фактъ знаменателенъ; онъ подмѣченъ также иностранными критиками; онъ же, по всей вѣроятности, придалъ необычную страстность и односторонность самой полемикѣ, возникшей въ прессѣ между приверженцами и противниками книги Вересаева.

Покидая на минуту книгу Вересаева, мы остановимся на мнѣніяхъ противниковъ и приверженцевъ его книги. Съ нашей точки зрѣнія обѣ стороны не правы, вѣрнѣе сказать обѣ стороны впали въ недоразумѣніе.

Начнемъ съ противниковъ Вересаева. Ихъ первую ошибку составляетъ упрекъ, посылаемый ими Вересаеву, отъ чего онъ не напечаталъ своихъ записокъ въ медицинской прессѣ и не обратился съ своими разоблаченіями къ спеціалистамъ, вмѣсто публики. Но Вересаевъ является писателемъ-беллетристомъ и, хотя тема его заимствована изъ области, соприкасающейся съ медициной, но, по существу своему и по обработкѣ, она является художественнымъ произведеніемъ, а не медицинскимъ трактатомъ. Требовать помѣщенія „Записокъ Врача“ въ медицинскихъ изданіяхъ было-бы также несправедливо, какъ предъявлять къ произведеніямъ Достоевскаго: „Идіотъ“, „Братья Карамазовы“ требованіе, чтобы они были помѣщены въ психіатрическихъ журналахъ, или настаивать, что-бы „Преступленіе и Наказаніе“ появилось не иначе, какъ въ одномъ изъ спеціальныхъ юридическихъ изданій. Но это значило-бы не отличать литературно-художественныхъ произведеній отъ научныхъ и научно-техническихъ. Художественный талантъ имѣетъ особое свое призваніе, свою цѣль, свои методы изслѣдованія. Онъ, какъ всякое искусство, обращается не къ спеціалистамъ, не къ „посвященнымъ“, а къ человѣческому чутью и нравственному такту, который можетъ существовать въ каждомъ человѣкѣ и безъ спеціальнаго образованія и подготовки.

Вторую ошибку противниковъ Вересаева составляютъ выражаемыя ими мысли, будто книга Вересаева является сплошнымъ недоброжелательствомъ и нападеніемъ на медицину. Это совершенно несправедливо. Достаточно прочесть два слѣдующіе отрывка, чтобы убѣдиться въ противномъ.

„Стратоновъ взялъ интубаторъ и быстро ввелъ его въ ротъ ребенка; мальчикъ забился, вытаращилъ глаза, дыханіе его на секунду остановилось; Стратоновъ нажалъ винтикъ и ловко вытащилъ проводникъ. Послышался характерный дующій шумъ дыханія черезъ трубку; ребенокъ закашлялъ, стараясь выхаркать трубку.

Нѣтъ, разбойникъ, не выкашляешь! — Усмѣхнулся Стратоновъ, трепля его по щекѣ.

Черезъ пять минутъ мальчикъ спокойно спалъ, дыша ровно и свободно".

. . . . . .

„Недавно ночью, на дежурствѣ, мнѣ пришлось дѣлать интубацію пятилѣтней дѣвочкѣ; наканунѣ ей уже была вставлена трубочка, но черезъ сутки она выкашляла ее. Больную внесли въ операціонную, я сталъ приготовлять инструменты. Дѣвочка сидѣла на колѣняхъ у сидѣлки,—блѣдная, съ капельками пота на лбу, съ выраженіемъ той страшной тоски, какая бываетъ только у задыхающихся людей. При видѣ инструментовъ ея помутнѣвшіе глаза слабо блеснули; она сама раскрыла ротъ и сидѣла такъ, съ робкой, ожидающей надеждой слѣдя за мною. У меня сладко сжалось сердце. Быстро и легко, самъ наслаждаясь своею ловкостью, я ввелъ ей въ гортань трубку.

Дѣвочка поднялась на кушеткѣ и сѣла, жадно, всею грудью, вдыхая воздухъ; щеки ея порозовѣли, глазенки счастливо блестѣли.

—Что легко дышать теперь?—спросилъ я.

Она молча кивнула головою.

—Ну благодари доктора, скажи: „спасибо"!—улыбнулась сестра милосердія, наклоняя ея голову.

—Спа-си-бо!—прошептала дѣвочка, съ тихой лаской глядя на меня изъ-подъ поднятыхъ бровей.

Я воротился въ дежурную, легъ спать, но заснуть долго не могъ, я, улыбаясь, смотрѣлъ въ темноту, и передо мною вставало счастливое дѣтское личико; и слышался слабый шопотъ: „спа-си-бо!..."

—Не восторженная ли это похвала медицинѣ?—спросимъ мы у противниковъ Вересаева.—Да, это похвала!—это искреннее, продиктованное художественной правдой, признаніе, это высшая идейная радость зрителя за то искусство, которое такъ много даетъ человѣчеству! Читая эти теплыя сердечныя описанія, вы, вмѣстѣ съ крошечной дѣвочкой, вырванной медициною изъ рукъ смерти, произносите тихое „спасибо" автору, который такъ поэтически, такъ художественно нарисовалъ предъ вами эту клиническую картину, полную трепетной жизненности и свѣжести.

Довольно было бы и приведенныхъ двухъ отрывковъ изъ книги Вересаева, чтобы отвергнуть идею о его враждебности медицинѣ. Но мы позволимъ себѣ еще одну цитату, именно, касающуюся случая, описаннаго на стр. 92—94. Это описаніе представляетъ собою истинный дифирамбъ медицинѣ, написанный мастерски, талантливымъ перомъ художника. Вотъ этотъ случай:

„Года черезъ полтора послѣ моей первой и послѣдней трахеотоміи въ нашу больницу во время моего дежурства привезли рабочаго изъ Колпина съ сифилитическимъ съуженіемъ гортани; съуженіе развивалось постепенно въ теченіе мѣсяца и уже двое сутокъ больной почти совсѣмъ не могъ дышать. Исхудалый, съ торчащими вихрами рѣдкихъ волосъ, съ синевато-землистымъ лицомъ, онъ сидѣлъ, схватившись руками за грудь, дыша съ тяжелымъ хрипя-

щимъ шумомъ. Я послалъ за товарищемъ, ассистентомъ—хирургомъ, и велѣлъ отвести больного въ операціонную.

Ассистентъ осмотрѣлъ его.

—Придется операцію сдѣлать тебѣ, горло разрѣзать,—сказалъ, онъ.

—Да, да, хорошо!... Поскорѣе ради Бога!—въ смертной тоскѣ произнесъ онъ, закивавъ головою.

Пока приготовляли инструменты, больному дали вдыхать кислородъ.

—Ну, ложись!—сказалъ товарищъ.

Больной положилъ на себя широкій крестъ и, поддерживаемый служителями, полѣзъ на операціонный столъ. Пока мы мыли ему шею, онъ все время продолжалъ дышать кислородомъ. Я хотѣлъ взять у него трубку, онъ умоляюще ухватился за нее руками.

—Еще немножко, еще воздухомъ дайте подышать!—сипло прошепталъ онъ.

—Довольно, довольно! Сейчасъ тебѣ легко будетъ!—сказалъ товарищъ.

—Закрой глаза.

Больной еще разъ широко перекрестился и зажмурился.

Операція производилась подъ кокаиномъ. Одинъ—другой разрѣзъ, я развелъ крючками края раны, товарищъ вскрылъ перстневидный хрящъ,—и брызги кровавой слизи съ кашлемъ полетѣли изъ разрѣза. Товарищъ ввелъ трубку и наложилъ повязку.

—Готово!—сказалъ онъ.

Больной поднялся, жадно и глубоко вбирая въ грудь воздухъ; онъ улыбался безконечно-радостною, недоумѣвающею улыбкою и въ удивленіи крутилъ головою.

—Что братъ, ловко распатронили?—засмѣялся товарищъ.

И всѣ кругомъ смѣялись; смѣялись сестры, сидѣлки, служители... А больной попрежнему радостно—изумленно улыбался и, безвучно шепча что-то крутилъ головою, пораженный чудеснымъ могуществомъ нашей науки.

Назавтра я зашелъ въ палату взглянуть на него. Больной встрѣтилъ меня тою же радостно—недоумѣвающею улыбкою.

—Какъ дѣла?—спросилъ я.

Онъ закивалъ головою и развелъ руками, показывая какъ ему хорошо.... Я вышелъ съ тяжелымъ чуствомъ; я немогъ бы спасти его, если бы не было подъ рукою товарища, больной бы погибъ".

Довольно этихъ выписокъ, чтобы не оставалось сомнѣнія въ томъ, что авторъ не только цѣнитъ медицину, но и мастерски, любовно изображаетъ приносимую ею человѣчеству пользу; слѣдовательно, фактически, Вересаевъ-художникъ является защитникомъ и поборникомъ медицины.—Однако, спроситъ читатель, какъ же вяжутся съ этимъ нападки Вересаева на медицину?—Это мы объяснимъ дальше, въ настоящее время лишь подчеркиваемъ, что Вересаевъ—не врагъ медицины: онъ правдивымъ перомъ художника рисуетъ то, что ему показываетъ глазъ, и что подсказываетъ художественное чутье.

Приверженцы Вересаева дѣлаютъ еще болѣе крупную ошибку чѣмъ его противники. Прежде всего, подобно противникамъ Вересаева, они не опредѣляютъ характера произведеній защищаемаго автора, и, принимая ихъ за научно-медицинскіе труды, дѣлаютъ на этомъ основаніи свои выводы о врачахъ, о врачебномъ искусствѣ, о врачебной профессіи, о

методахъ леченія и проч. Въ ошибку этого рода впалъ и извѣстный правдолюбецъ, покойный проф. Манассеинъ. Одобряя, въ общемъ, книгу Вересаева, онъ дѣлаетъ ей упрекъ, что въ ней замѣчается „непозволительное обобщеніе единичныхъ фактовъ, несомнѣнныя преувеличенія и чрезмѣрное сгущеніе красокъ". Всѣ эти пріемы заслуживали бы безъ сомнѣнія порицанія въ сочиненіяхъ научнаго характера, но въ произведеніяхъ художественныхъ они, напротивъ, составляютъ общепринятый и совершенно законный пріемъ. Пушкинъ, въ началѣ своей повѣсти „Гробовщикъ" говоритъ: „Шекспиръ и Вальтеръ-Скотъ изображали своихъ гробовщиковъ людьми веселыми, и шутливыми, дабы сей противоположностью сильнѣе поразить наше воображеніе". Сдѣлавъ такое художественно-лукавое предупрежденіе, Пушкинъ ставитъ своего угрюмаго и задумчиваго героя въ самое комическое положеніе; получается, такимъ образомъ, необыкновенно эффектный психологическій контрастъ, для довершенія котораго Пушкинъ плутовски киваетъ на своихъ литературныхъ предшественниковъ, которыхъ онъ превзошелъ замысловатой простотой своего контраста: „они"—дескать,—„представили своихъ героевъ людьми веселыми и шутливыми, а мы изъ уваженія къ истинѣ не можемъ слѣдовать ихъ примѣру и принуждены признаться, что нравъ нашего гробовщика соотвѣтствовалъ его мрачному ремеслу". Подобному же пріему контрастовъ слѣдуетъ и Вересаевъ: вмѣсто сгущенія тождественныхъ красокъ онъ употребляетъ краски контрастныя. Во всей его книгѣ разсыпаны контрасты и рѣзкія сопоставленія; напр. желая ярче представить жестокость вивисекцій и ихъ очерствляющее вліяніе на душу экспериментатора, Вересаевъ предварительно изображаетъ живость, бойкость и чисто человѣческую понятливость и наблюдательность обезъянки и вдругъ послѣ этого, можно сказать, совершенно неожиданно описывается картина вырѣзыванія селезенки, привитія тифа, и грустной смерти этой обезъянки. Такой пріемъ вполнѣ примѣнимъ къ художественному произведенію.

На этомъ мы оканчиваемъ нашъ краткій разборъ мнѣній, высказанныхъ за и противъ Вересаева. И того, что нами приведено, вполнѣ достаточно, чтобы показать, что Вересаевъ остался писателемъ непонятымъ, какъ своими противниками, такъ и приверженцами. Причина этого, быть можетъ, кроется въ томъ, что произведенія этого оригинальнаго и, несомнѣнно, одареннаго писателя не были предметомъ оцѣнки и разбора со стороны научной или художественной критики, и единственное употребленіе, которое доселѣ сдѣлано изъ „Записокъ врача"—это эскамотированіе ихъ для цѣлей страстной, озлобленной полемики на старыя, старыя темы,—словомъ, Вересаевъ обратился въ орудіе пререканій и попрековъ. Не будемъ, впрочемъ, никому ставить этого въ упрекъ, потому что художественныя темы, за которыя взялся Вере-

саевъ, во всякомъ случаѣ, новы, и для критической оцѣнки ихъ требуется художественная и психологическая, а, быть можетъ, даже психіатрическая подготовка. Во всякомъ случаѣ—это очень и очень сложное дѣло.

По нашему мнѣнію, успѣхъ книги Вересаева въ Россіи и отчасти заграницей зависитъ отъ двухъ главнѣйшихъ условій,—отъ несомнѣнныхъ художественныхъ достоинствъ, какія ей присущи, но еще болѣе отъ того, что автору ея удалось попасть въ колею новаго назрѣвающаго вопроса, имѣющаго высокое практическое значеніе для жизни. Этотъ вопросъ, зародившійся въ нѣдрахъ психіатріи и психологіи, обѣщаетъ многое разъяснить, многому помочь въ индивидуальной и общественной жизни, а особенно въ области воспитанія и въ уголовной сферѣ. Вересаеву посчастливилось примкнуть къ этому вопросу и, быть можетъ, привнести въ него свою лепту. Благодаря художественному дарованію и чутью, Вересаевъ въ своей книгѣ далъ рядъ столь живыхъ и, подчасъ, столь блестящихъ картинокъ, что его книга надолго останется поучительнымъ матеріаломъ, въ которомъ психологическая медицина и психологія найдутъ для себя интересныя указанія.

Новый вопросъ, о которомъ мы сказали,—это вопросъ „о неполныхъ или недоразвившихся“ характерахъ. Существенную черту этихъ характеровъ (наиболѣе рѣзкимъ формамъ которыхъ Ribot даетъ названіе *психическаго инфантилизма*), составляетъ слабое, не довольно полное развитіе воли, при достаточномъ иногда даже весьма тонкомъ развитіи ума и, въ особенности, чувства. Получается, такимъ образомъ, нѣкоторая психологическая односторонность у человѣка, нерѣдко одареннаго и талантливаго. Слабость воли лишаетъ подобнаго индивидуума возможности сдерживать и подавлять свои душевныя волненія; вслѣдствіе этого, субъекты со слабой волей крайне чувствительны и впечатлительны, легко и часто волнуются и, предаваясь волненіямъ, страдаютъ и нравственно мучатся тамъ, гдѣ нормальные люди разумно и твердо сдерживаютъ свое волненіе. На ряду со слабой или недостаточно сильной волей, у людей разбираемаго типа существуютъ сильныя чувства и нерѣдко тонкій умственный анализъ, благодаря чему, эти натуры часто отличаются особенной проницательностью, какъ въ отношеніи внѣшнихъ впечатлѣній такъ и по отношенію къ своему собственному внутреннему міру, который они изображаютъ съ поразительной точностью. Хотя такое преобладаніе ума и чувства надъ волей, во многихъ случаяхъ, невыгодно для личности; но, съ другой стороны, оно имѣетъ и свою выгодную сторону: затрудняя дѣятельную жизнь, оно предрасполагаетъ къ воображенію и къ искусству и направляетъ человѣка къ идеальной жизни.

Типъ чувствительныхъ людей представляетъ еще одну, ясно выступающую и замѣтную, почти во всѣхъ случаяхъ, особенность, именно— присутствіе тонко развитого чувства стыда. Но такъ какъ чувство это является исходной точкой для развитія чувства чести и нравственнаго достоинства, то этимъ, въ значительной степени, опредѣляется самый характеръ разбираемаго типа. Очевидно, типъ представляетъ собою не проявленіе упадка, не какую-либо форму, или періодъ психической дегенераціи, а напротивъ—явленіе высоко-прогрессивное, захваченное въ періодъ своего незаконченнаго развитія. Это есть одна изъ ступеней идеальной эволюціи человѣка. Всѣ ея детали, всѣ подробности способны вызвать въ наблюдателѣ глубокую симпатію къ страдающимъ людямъ, этимъ невольнымъ жертвамъ органическаго нравственнаго процесса въ человѣчествѣ.

Описанной душевной организаціей отличаются артисты, писатели поэты, многіе ученые [1]).

Книга Вересаева „Записки Врача" представляетъ собою талантливо проведенное, художественное изображеніе человѣка, обладающаго очерченнымъ нами сейчасъ характеромъ. Изображеніе доведено до мелкихъ подробностей, до множества едва уловимыхъ, едва замѣтныхъ деталей. Съ этой стороны книга пріобрѣтаетъ большую цѣнность для психолога, психіатра, педагога и криминалиста. По своей художественной манерѣ контрастовъ, Вересаевъ, для большей рельефности картины, заставляетъ своего героя быть врачемъ, т. е. исполнять такую профессію, которая безусловно требуетъ нормально развитой воли. При такой постановкѣ задачи, своеобразный складъ характера изображаемаго лица выступаетъ со всею пластичностью и наглядностью, какъ при реактивѣ. Въ этомъ состоитъ художественный замыслъ „Записокъ Врача„, и онъ вполнѣ удался автору.

Приверженцы и противники Вересаева готовы признать, что въ Запискахъ Врача представлена личность самого автора. Изъ заглавія книги этого не видно; книга названа неопредѣленнымъ именемъ „Записокъ Врача" и соотвѣтствуетъ, по своему внутреннему содержанію, скорѣе коллективному лицу, или типу, нежели индивидууму. Посмотримъ, какими чертами авторъ надѣляетъ своего героя.

Во всей книгѣ д-ра Вересаева, отъ начала и до конца ея, рѣзкими чертами проведена и по всюду подчеркнута недостаточно развитая, *слабая воля* героя. Онъ повсюду изображенъ колеблющимся, нерѣшительнымъ, двоящимся, неспособнымъ управлять собою. Повсюду воля у него замѣняется и замѣщается то *волненіями*, то *размышленіями* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ надлежитъ быть *волѣ* на пер-

[1]) Проф. И. А. Сикорскій. Сборникъ научно-литерат. статей Кіев. 1900. Т. III стр. 73—80.

вомъ планѣ. Во второй главѣ, на страницѣ 25-й, изображая картину производства не тяжелой сравнительно операціи (вывихъ плеча), авторъ устами своего героя говоритъ слѣдующее: „нужно быть глухимъ къ воплямъ оперируемаго, не видѣть корчащагося отъ боли тѣла, душить въ себѣ жалость и волненіе. Съ непривычки это было очень трудно, и вниманіе постоянно двоилось".

Такъ чувствуетъ себя и такъ разсуждаетъ слабовольный человѣкъ и, чтобы выйти изъ этого затрудненія, представляемаго живой дѣйствительностью, герой обращается не къ *волѣ*, какъ бы слѣдовало, но прибѣгаетъ къ окольному—и для правильнаго человѣка не естественному—пути самовнушенія:

„приходилось, говоритъ онъ, убѣждать себя, что вѣдь это *не мнѣ* больно, что вѣдь я самъ совершенно здоровъ, а больно *другому*".

Человѣкъ съ нормально развитой волей, въ приведенномъ случаѣ разсуждалъ бы, и поступилъ бы такъ: „не нужно быть глухимъ къ воплямъ страданія, не нужно нервно отворачиваться отъ картины страданія и,—Боже сохрани—душить въ себѣ жалость; но нужно быть *мужественнымъ* и всю силу своего существа, своего ума и воли направить на то, чтобы какъ нибудь облегчить страданія". Нормальный человѣкъ непремѣнно сказалъ бы себѣ разъ навсегда: „при видѣ страданія нельзя ныть, нельзя усыплять себя фразами, необходимо дѣйствовать".

Одна изъ характерныхъ особенностей слабой воли состоитъ въ неспособности или невозможности управлять *произвольнымъ вниманіемъ*. На это жалуется изображаемый герой уже въ приведенной сейчасъ фразѣ: „*вниманіе постоянно двоилось*", но самымъ рѣшительнымъ образомъ такое состояніе выясняется изъ слѣдующаго превосходнаго описанія на стр. 89—90-й.

„Я вытащилъ расширитель и дрожащими отъ волненія руками ввелъ его вторично,—но опять не туда. Я все больше терялся. Глубокая воронка раны то и дѣло заливалась кровью, которую сестра милосердія быстро вытирала ватнымъ шарикомъ, на днѣ воронки кровь пѣнилась отъ воздуха, выходившаго изъ разрѣзанной трахеи; сама рана была безобразная и неровная, внизу ея зіялъ ходъ, проложенный моимъ разширителемъ. Сестра милосердія стояла съ страдающимъ лицомъ, прикусивъ губу, сидѣлка, державшая ноги дѣвочки, низко опустила голову, чтобъ не видѣть".

Въ этомъ поучительномъ описаніи ясно, какъ день, что причиной неудачной операціи было то, что операторъ не имѣлъ силы воли сконцентрировать свое вниманіе на самой операціи и—только на ней, одной. Его вниманіе отвлекалось отъ главнаго предмета, его умъ и и его взоры обращались то къ лицу сестры и слѣдили за тѣмъ, что съ нею происходитъ, и что она чувствуетъ, то устремлялись на сидѣлку за тѣми же наблюденіями.—„Время ли",—упрекнетъ такого хи-

рурга всякій человѣкъ,— „слѣдить за чувствами сидѣлки и сестры милосердія въ ту минуту, когда больной у васъ подъ ножемъ, когда льется человѣческая кровь“!—„И можно ли быть на столько малодушнымъ и безхарактернымъ, чтобы и въ эту критическую минуту не умѣть управлять собою“!

Третьимъ признакомъ слабой воли у героя „Записокъ Врача“ является его неспособность управлять инстинктами, чувствами и невольными движеніями души. Это изображено въ слѣдующемъ длинномъ описаніи, которое мы приводимъ цѣликомъ. (См. стр. 33—35).

„На эстраду къ профессору, въ сопровожденіи двухъ студентовъ—кураторовъ, взошла молодая женщина, больная плевритомъ. Прочитавъ анамнезъ, студентъ подошолъ къ больной и дотронулся до закутывавшаго ея плечи платка, показывая жестомъ, что нужно раздѣться. Мнѣ кровь бросилась въ лицо: это былъ первый случай, когда передъ нами вывели молодую паціентку. Больная сняла платокъ, кофточку и спустила до пояса рубашку; лицо ея было спокойно и гордо. Ее начали выстукивать, выслушивать. Я сидѣлъ весь красный, стараясь не смотрѣть на больную, мнѣ казалось, что взгляды всѣхъ товарищей устремлены на меня; когда я поднималъ глаза, передо мною было все тоже гордое, холодное, прекрасное лицо, склоненное надъ блѣдною грудью, какъ будто совсѣмъ не ея тѣло ощупывали эти чужія мужскія руки. Наконецъ лекція кончилась. Вставая я встрѣтился взглядомъ съ сосѣдомъ—студентомъ, мнѣ почти незнакомымъ; какъ-то вдругъ мы прочли другъ у друга въ глазахъ одно и тоже, враждебно переглянулись и быстро отвели взгляды въ стороны.

Было ли во мнѣ какое-нибудь сладострастное чувство въ то время, когда больная обнажилась на нашихъ глазахъ? Было, но очень мало: главное, что было,—это *страхъ* его. Но потомъ, дома, воспоминаніе о происшедшемъ приняло тонко-сладострастный оттѣнокъ, и я съ тайнымъ удовольствіемъ думалъ о томъ, что впереди предстоитъ еще много подобныхъ случаевъ.

И случаевъ, разумѣется, было очень много. Особенно мнѣ помнится одна больная, Анна Грачева, поразительно-хорошенькая дѣвушка лѣтъ восемнадцати. У нея былъ порокъ сердца съ очень характернымъ предсистолическимъ шумомъ; профессоръ рекомендовалъ намъ почаще выслушивать ее. Подойдешь къ ней,—она послушно и спокойно скидываетъ рубашку и сидитъ на постели, обнаженная до пояса, пока мы одинъ за другимъ выслушиваемъ ее. Я старался смотрѣть на нее глазами врача, но не могъ не видѣть, что у нея красивыя плечи и грудь, я не могъ не видѣть, что и товарищи мои что-то ужъ слишкомъ интересуются предсистолическимъ шумомъ, и мнѣ было стыдно этого. И именно потому, что я чувствовалъ нечистоту нашихъ взглядовъ, мнѣ особенно больно становилось за эту дѣвушку: какая сила заставляетъ ее обнажаться передъ нами, пройдетъ ли для нея все это даромъ“?

Дѣйствительно-ли все было такъ, какъ изображено въ „Запискахъ“?—Мы ни мало не сомнѣваемся въ искренности героя „Записокъ“ и въ наблюдательности автора ихъ, но критика тѣмъ болѣе необходима, что дѣло идетъ о предметахъ чрезвычайно сложныхъ, истинный смыслъ которыхъ не всегда открывается непосредственнымъ наблюденіемъ. Мы вѣримъ, когда человѣкъ говоритъ что ему больно,—это субъективная правда; но боль выражается также и объективными при-

знаками, и два человѣка, одинаково жалующіеся, могутъ въ дѣйствительности не одинаково страдать. Необходима критическая оцѣнка показаній наблюдателя-художника, что́ мы и позволяемъ себѣ сдѣлать.

По нашей профессіи клиническаго преподавателя, намъ приходилось обнажать больныхъ при изслѣдованіи, но, право, намъ не приходилось наблюдать на студентахъ-слушателяхъ тѣхъ чувствъ, о которыхъ говоритъ Вересаевъ въ приведенной выше выдержкѣ. Конечно, мы не можемъ ставить нашу психологическую опытность на одну высоту съ художественной проницательностью писателя; но и опытность психіатра—условіе немаловажное! По данному вопросу мы приходимъ къ окончательному убѣжденію, что и наблюдатель-художникъ и наблюдатель—психіатръ—оба правдивы. Но какъ согласить двѣ противуположныя правды?—это мы увидимъ на слѣдующей страницѣ. Возвращаемся къ нашему предмету.

Тонко развитое чувство, которымъ такъ богато одаренъ герой д-ра Вересаева, служитъ у него, какъ служитъ у всѣхъ людей вообще, только указателемъ нравственнаго пути, по которому надлежитъ человѣку направлять свои шаги, но сила, необходимая для того, чтобы осуществить надлежащее направленіе, дается твердой волей. Такой воли недоставало у героя Вересаева, и это лишало его возможности успѣшно подавлять и уничтожать въ себѣ взрывы чувственности и другихъ состояній, подлежащихъ ограниченію и отмѣнѣ. Эта борьба съ чувственностью служитъ, въ одно и тоже время, и школою для развитія воли и показателемъ степени такого развитія. Чувственность у мужчины обуздывается, главнымъ образомъ, силою воли, у женщины—чувствомъ стыда или иными высшими чувствами, подкрѣпляемыми волей. Въ описаніяхъ Вересаева мы видимъ подтвержденіе этому. Больная, говоритъ художникъ, „сняла платокъ, кофточку и спустила до пояса рубашку; лицо ея было спокойно и гордо“. О другой больной, Аннѣ Грачевой, Вересаевъ говоритъ: „подойдешь къ ней,—она послушно и спокойно скидываетъ рубашку и сидитъ на постели, обнаженная до пояса, пока мы одинъ за другимъ выслушаемъ ее“. Обѣ эти прекрасныя фигуры были полны чувствъ, но вполнѣ владѣли собою; онѣ какъ бы говорили: „нужно вамъ,—смотрите, а если между вами найдется кто нибудь—мальчишка или негодяй, мы, все равно, исполнимъ нашъ долгъ“. Обѣ больныя служили поучительнымъ примѣромъ нравственной силы и чистоты для наблюдателей—студентовъ, и мы увѣрены, что въ этихъ наблюдателяхъ не было той чувственности, которую въ нихъ подозрѣваетъ и которою ихъ надѣляетъ, въ своемъ наблюденіи, герой Вересаева. Если когда нибудь, при наблюденіи больного чувственность и зашевелилась въ нихъ въ формѣ мимолетной реальности, то навѣрное, она была эфемернымъ событіемъ, утонувшимъ

въ чистыхъ глубинахъ ихъ спокойной и гордой души. Но тамъ, гдѣ воля слаба, чувственность, слабо подавляемая, могла получить иные размѣры, не стѣсняясь ни совѣстью ни страданіемъ ближняго. Это и было у героя „Записокъ Врача“: онъ и „краснѣлъ“, въ немъ было и „сладострастное чувство“, былъ и „страхъ этого чувства“, потомъ послѣдовало „тонко-сладострастное воспоминаніе“ и „тайное ожиданіе“, словомъ—на душѣ были дурныя чувства и чувственность, но не было достаточно *воли*, не было *усилій разума*. Все это съ художественной правдой передано у Вересаева.

Исходя изъ своего субъективнаго міра, герой „Записокъ врача“ говоритъ: „наша школа обращаетъ больныхъ въ манекены для упражненій, топчетъ безъ пощады стыдливость женщины.....“ и если бы нужда заставила мою жену или сестру очутиться у сифилидолога, то я сказалъ бы, что мнѣ нѣтъ дѣла до медицинской школы„ и т. д. Весьма поучительно сравнить другой взглядъ, выраженный нашимъ высшимъ законосовѣщательнымъ Учрежденіемъ. Когда въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждаемъ былъ вопросъ о предоставленіи больничныхъ учрежденій для дѣла клиническаго преподаванія, то единственный только голосъ находилъ неудобства для больныхъ женщинъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія, всѣ же остальные члены признали, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о пользѣ преподаванія и пользѣ самихъ больныхъ, получающихъ выгоды клиническаго леченія, польза эта должна быть единственнымъ мотивомъ разрѣшающимъ дѣло. Это былъ одинъ изъ тѣхъ мудрыхъ совѣтовъ и рѣшеній, которыхъ такъ много было подано Вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ „Запискахъ Врача“ находится, наконецъ, указаніе на опасное значеніе, какое можетъ имѣть слабость воли въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія. Такая воля можетъ оказаться безсильной въ охраненіи человѣка отъ дурныхъ чувствъ. Герой „Записокъ Врача“ на стр. 41-й говоритъ о себѣ. „Я съ пристальнымъ злораднымъ вниманіемъ слѣдилъ за нимъ“ (т. е. за профессоромъ, которому въ эту минуту онъ желалъ позора). Это признаніе, какъ и всякое искреннее признаніе, похвально, но самый фактъ злорадства возмутителенъ: позволяйте себѣ гнѣвъ, негодованіе въ отношеніи лица, заслужившаго, по вашему мнѣнію, такое отношеніе къ себѣ,—эти чувства еще могутъ быть использованы въ хорошую сторону,—но злорадство, которое вы допускаете въ вашей душѣ, всегда останется актомъ низменнымъ и будетъ имѣть такое же значеніе для вашей души, какое имѣли бы для вашего тѣла патогенные микробы, допускаемые вами въ свѣжую рану. За подобную нравственную неряшливость человѣкъ отвѣтственъ предъ самимъ собою и отвѣтственъ тѣмъ болѣе, чѣмъ тоньше въ его душѣ развито *чувство*, какъ у героя„ Записокъ“ и чѣмъ понятнѣе и

ощутимѣе для такой души все совершающееся и шевелящееся въ ней. Несомнѣнно, что слабая воля у этого искренняго человѣка сослужила ему, въ данномъ случаѣ, предательскую службу, не давъ поддержки высшимъ чувствамъ, не охранивъ его чистой души отъ злорадства.

Умъ героя „Записокъ Врача" носитъ на себѣ типическую печать ума людей со слабой волей т. е. отличается *мечтательностью*. Благодаря этому свойству своего ума, герой „Записокъ" думаетъ, что вздумается; его воля не кладетъ предѣла потоку мыслей, носящихъ явно несбыточный, фантастическій и невѣроятный характеръ. Эти мысли представляются скорѣе игрою необуздываемаго воображенія, чѣмъ здравой работой реальнаго ума. Между тѣмъ, они принадлежатъ уму, получившему естественно-научное образованіе.

„Каждую минуту, говоритъ герой на стр. 17-й, на каждомъ шагу насъ подстерегаютъ опасности; защититься отъ нихъ невозможно, потому что онѣ слишкомъ разнообразны, бѣжать некуда, потому что онѣ вездѣ. Само здоровье наше—это неспокойное состояніе организма; при глотаніи, при дыханіи въ насъ ежеминутно проникаютъ миріады бактерій, внутри нашего тѣла непрерывно образуются самые сильные яды.

На 2—3 курсѣ изображенный герой также предается необуздываемому праздномыслію слѣдующаго рода: (Стр. 18-я).

„При настоящихъ условіяхъ болѣютъ всѣ: бѣдные болѣютъ отъ нужды, богатые — отъ довольства; работающіе — отъ напряженія; бездѣльники — отъ праздности; неосторожные—отъ неосторожности, осторожные—отъ осторожности. Во всѣхъ людяхъ отъ самыхъ раннихъ лѣтъ гнѣздится разрушеніе, организмъ начинаетъ разлагаться, даже не успѣвъ еще развиться".

На страницѣ 19-й читаемъ: „съ новымъ и страннымъ чувствомъ я приглядывался къ окружающимъ меня людямъ, и меня все больше поражало, какъ мало среди нихъ здоровыхъ; почти каждый изъ нихъ, чѣмъ-нибудь да былъ боленъ. Міръ начиналъ казаться мнѣ одною громадною, сплошною больницею. Да, это становилось все несомнѣннѣе; нормальный человѣкъ—это человѣкъ больной; здоровый человѣкъ представляетъ собою лишь счастливое уродство, рѣзкое уклоненіе отъ нормы".

И т. д, и т. д. И масса подобныхъ разсужденій, свойственныхъ уму не дисциплинированному, мечтательному, не управляемому волей. Если бы въ природѣ совершалось все такъ, какъ представляется герою „Записокъ": то, говоря словами мыслителя, люди давно бы всѣ погибли, и не осталось бы ни одного человѣка, чтобы оплакивать вырожденіе своей породы. Герою „Записокъ", какъ естествоиспытателю, извѣстно, безъ сомнѣнія, ученіе объ *эволюціи*, — о постепенномъ прогрессивномъ видоизмѣненіи и усовершенствованіи во всей живой природѣ въ теченіи уже милліоновъ вѣковъ. Но если онъ думаетъ, что дѣло идетъ наоборотъ, если „болѣзнь—правило, а здоровье—счастливая случайность", какъ онъ говоритъ, то эти слова его—только слова, слова и слова. Такими словами наполнены главы XIV и XV. Вотъ

краткое содержаніе этихъ главъ. „Природа отбираетъ и уничтожаетъ все неудавшееся, а медицина, которую за это герой „Записокъ“ называетъ однобокой, кладетъ всѣ свои силы на то, чтобы помѣшать этому дѣлу жизни“... „У роженицы узкій тазъ, она не можетъ разродиться, и она сама, и ребенокъ должны погибнуть, медицина спасаетъ мать и ребенка и такимъ образомъ даетъ возможность размножаться людямъ съ узкимъ, негоднымъ для дѣторожденія тазомъ“. „Чѣмъ сильнѣе дѣтская смертность, съ которою такъ энергично борется медицина, тѣмъ вѣрнѣе очищается поколѣніе отъ всѣхъ слабыхъ и болѣзненныхъ организмовъ. Сифилитики, туберкулезные, психическіе и нервные больные, излѣченные стараніями медицины, размножаются и даютъ хилое и нервное, вырождающееся потомство. Всѣ эти спасенные, но слабые до самыхъ своихъ нѣдръ, мѣшаются и скрещиваются со здоровыми, и такимъ образомъ вызываютъ быстрое и общее ухудшеніе расы. И чѣмъ больше будетъ преуспѣвать медицина, тѣмъ дальше будетъ идти это ухудшеніе“.....

... И т. д. На стр. 220 герой „Записокъ“ сожалѣетъ о томъ, что заразныя болѣзни уничтожаются медициной въ самомъ зародышѣ:— лучше было бы, если эти болѣзни т. е. чахотка, скарлатина, холера, чума, продолжали существовать на землѣ, и человѣкъ пріучился бы къ нимъ до степени иммунности т. е. незаразительности ими... Нехорошо также, что человѣкъ ходитъ на двухъ ногахъ; отъ такого способа хожденія у женщинъ происходитъ безъ малаго половина всѣхъ женскихъ болѣзней, было бы лучше еслибы женщины ходили на четвереньках (стр. 223—224).

„И Богъ вѣсть, что еще ждетъ насъ въ будущемъ, устрашаетъ читателя герой Записокъ на стр. 232,—какіе дары и удобства готовитъ намъ растущая культура. Какъ „нераціональною“ будетъ для насъ обыкновенная пища, такъ „нераціональнымъ“ станетъ и обыкновенный воздухъ: онъ будетъ слишкомъ рѣдокъ и грязенъ для нашихъ маленькихъ, и нѣжныхъ легкихъ; и человѣкъ будетъ носить при себѣ аппаратъ съ сгущеннымъ чистымъ кислородомъ и дышать имъ черезъ трубочку; а испортился вдругъ аппаратъ,—и человѣкъ на вольномъ воздухѣ будетъ, какъ рыба погибать отъ задушенія. Глазъ человѣка, благодаря усовершенствованнымъ стекламъ, будетъ различать комара за десять верстъ, будетъ видѣть сквозь стѣны и землю, а самъ превратится подобно обонятельной части теперешняго носа, въ зачаточный, воспаленный органъ, который ежедневно нужно будетъ спринцовать, чистить и промывать“...

Достаточно приведенныхъ выдержекъ, въ которыхъ наглядно сказывается *мечтательность* героя „Записокъ“. Но герой „Записокъ“ приводитъ цитаты, дѣлаетъ ссылки на ученыя сочиненія, заимствуетъ афоризмы изъ Заратустры и т. п.! Быть можетъ, въ его мысляхъ есть серьезная сторона. Быть можетъ, въ его предсказаніяхъ содержится смыслъ и значеніе того, что Вундтъ называетъ *философскими допол-*

неніями т. е. такими выводами и заключеніями, которые, хотя недоказаны, покамѣсть, прямыми наблюденіями и фактами, но логически и неминуемо вытекаютъ изъ того, что дознано наукою положительно. На такихъ философскихъ дополненіяхъ построены извѣстные романы Жюля Верна. Однакожъ, такимъ характеромъ вовсе не отличаются мысли героя „Записокъ", изложенные въ XIV и XV главахъ! Это рядъ отрывочныхъ, случайныхъ замѣчаній, которыя лишены всякой системы. Двѣ означеннныя главы вставлены въ книгу искуственно, безъ логической связи и необходимости. Введеніемъ этихъ главъ авторъ, очевидно, желалъ только указать на характеръ мышленія своего героя и на его умственные идеалы: этимъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошо иллюстрированъ умственный складъ героя и его отличительныя черты.

Если *воля* и размѣры *ума* составляютъ слабѣйшую сторону у героя „Записокъ Врача", то развитіе *чувства* является самой широкой и симпатичной стороной личности. У него мы встрѣчаемъ постоянную отзывчивость и художественную проницательность, теплоту и дѣтскую невинность. Если у него, какъ у ребенка, проскальзываютъ иногда и нехорошія чувства—злорадство, сарказмъ, язвительность; то, съ другой стороны, онъ нѣженъ, правдивъ и открытъ. Чувство составляетъ главнѣйшій органъ его души; оно наталкиваетъ его на свѣжее, разумное, здравое пониманіе дѣйствительности и ея отрицательныхъ сторонъ. Нѣкоторыя чувства развиты особенно сильно и полно. Сюда относятся: стыдъ и сомнѣніе съ одной стороны, теплота и сострадательность съ другой. Нѣкоторыя чувства отличаются такой тонкостью и законченностью, что отъ нихъ можно бы ждать крупныхъ послѣдствій для нравственнаго развитія личности, если бы эти чувства находили себѣ поддержку въ болѣе сильной *волѣ*.

Существеннѣйшей особенностью всего душевнаго склада героя „Записокъ" является *отсутствіе гармоніи между отдѣльными сторонами его души*. Слабость воли и мечтательность представляются тѣми неблагопріятными сторонами характера, которыя уменьшаютъ въ значительной степени достоинство чувствъ и понижаютъ самое значеніе цѣльной личности. Это станетъ яснымъ, когда мы обратимся къ изслѣдованію характера, дѣятельности и жизненной судьбы занимающаго насъ лица.

Чувства у героя „Записокъ Врача", какъ и настроенія духа представляются почти всегда въ видѣ двухъ крайнихъ противоположностей. Герой то предается экзальтированной радости и легкомысленнымъ надеждамъ, то впадаетъ въ полное, мрачное отчаяніе. Таковы почти всѣ чувства у него: они протекаютъ въ крайностяхъ, и оттого душевный строй является не уравновѣшеннымъ и колеблется въ предѣльныхъ амплитудахъ. Первое состояніе превосходно передано на страницахъ

отъ 47 (отъ словъ; одинъ случай.....) до страницы 55. Второе состояніе передано на страницахъ 40—46. Но и во всей книгѣ проведены рѣзкой чертой эти противоположности. Даже и отдѣльныя чувства легко достигаютъ у героя нетолько своихъ крайнихъ предѣловъ, но даже переходятъ изъ высшихъ чувствъ въ низшія. Такъ у него снисходительная, добрая улыбка, или иронія переходитъ въ злой сарказмъ. Въ этомъ случаѣ онъ бываетъ непосредственъ какъ дитя, какъ нервная женщина. Онъ нетолько испытываетъ извѣстныя чувства но, на основаніи ихъ, готовъ становиться въ душѣ мстителемъ. Таковы чувства его при видѣ мужа роженицы (стр. 20), при видѣ профессора на вскрытіи (стр. 41 и стр. 43). Несчастія и ошибки другихъ вызываютъ у него не сожалѣніе и грусть, но скорѣй гнѣвъ и мстительность. Правда, такой переходъ у него совершается почти всегда подъ вліяніемъ альтруистическаго начала, и въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ собою того мальчика, который, видя драки своихъ товарищей и стремясь возстановлять правду, чинитъ суровый судъ и расправу надъ обидчиками, за что школьники, въ наивномъ добродушіи, называютъ такого всеобщаго защитника—*драчливой сестрой милосердія*. Всѣ эти колебанія характера являются естественнымъ слѣдствіемъ *живости чувства при слабости воли*. Авторъ „Записокъ Врача“ съ истинной художественной проницательностью видитъ и оцѣниваетъ эти особенности душевнаго склада изображаемаго имъ героя и, чтобы обрисовать ихъ ярче и выпуклѣе, онъ, по своей обычной художественной манерѣ, ставитъ рядомъ съ этимъ героемъ двухъ другихъ любимыхъ имъ лицъ—доктора Стратонова (стр. 85—21) и д-ра Ивана Семеновича (стр. 71—74). Первый обладаетъ недюжиннымъ *умомъ* и *волей*, второй—*нѣжнымъ чувствомъ и волей* т. е. каждый изъ нихъ имѣетъ ту гармонію и полноту души, которой недостаетъ изображаемому герою, но которая столь необходима какъ всякому человѣку вообще, такъ врачу въ особенности. Авторъ прекрасно характеризуетъ Ивана Семеновича, какъ человѣка спокойнаго, находчиваго, увѣреннаго въ себѣ и всегда отечески отзывчиваго къ людямъ и къ товарищамъ; Стратонова изображаетъ какъ твердаго, умнаго, быть можетъ, иной разъ, слегка рѣзкаго, однакожъ, въ глубинѣ души добраго и гуманнаго человѣка, какъ видно изъ слѣдующаго описываемаго авторомъ обращенія его къ страдающему ребенку:—„ну, Нюша, потерпи немножко, сейчасъ не будетъ больно!—страдающимъ голосомъ произнесъ Стратоновъ, нѣжно гладя ее по щекѣ“.

Герой „Записокъ Врача“ съ глубокимъ уваженіемъ и трогательной нѣжностью относится къ Стратонову и Ивану Семеновичу—этимъ двумъ симпатичнымъ типамъ врача, которые ему кажутся желательнымъ идеаломъ. Самъ же онъ рѣшительно непохожъ на этихъ людей: онъ то

полонъ отчаянія (стр. 43 и 74), то обуреваемъ сомнѣніями (ст. 46, 47, 49), то наоборотъ, онъ самоувѣренъ (стр. 57) и восторженно гордъ, то, колеблется отъ одной стороны къ другой, или является жертвой тяжелыхъ ожиданій и томленій. Его слабая воля безсильна предупредить или смягчить эти крайности душевныхъ настроеній. Но не въ этомъ одномъ — внутренній трагизмъ такой личности. Многое могло бы быть въ ней смягчено и уравновѣшено, если бы складъ ума не отличался тѣми недостатками, какіе на самомъ дѣлѣ существуютъ. Этотъ мечтательный умъ никогда не направляется, какъ бы то надлежало, на обсужденіе событій, волнующихъ чувство, но улетаетъ далеко отъ реальной жизни, углубляясь то въ давно прошедшее, то въ отдаленное будущее. Какъ при операціи трахеотомированія, этотъ бѣдный герой, вмѣсто того, чтобы слѣдить за горломъ оперируемой малютки, слѣдилъ взоромъ за сидѣлкой и сестрой милосердія; такъ и среди обуревающихъ его волненій, неразрывно связанныхъ съ профессіей врача, онъ, вмѣсто обсужденія этихъ самыхъ событій, находитъ возможнымъ думать о томъ, что будетъ съ медициной въ отдаленныя отъ насъ будущія времена (Глава XIV—XV), или, что было въ минувшее, (уже невозвратно минувшее) время, бывшее въ пятидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія. Вспоминать о производившихся въ ту невѣжественную эпоху прививкахъ сифилиса,—также безполезно, какъ волноваться и ужасаться въ настоящее время тѣмъ, что въ Крымскую войну раны нашихъ героевъ-воиновъ перевязывались соломой и корпіей. Корпія!?.. Ужасъ охватываетъ душу, когда подумаемъ, при современныхъ нашихъ знаніяхъ, что тогдашняя корпія приготовлялась изъ заношеннаго бѣлья и домашняго тряпья, не знавшаго современной стерилизаціи. Объ этихъ прошедшихъ событіяхъ можно говорить съ грустью и философскимъ самообладаніемъ, всю же свѣжую силу горячаго чувства нужно беречь для врачеванія язвъ современной дѣйствительности. Трезвый, здоровый умъ идетъ этимъ путемъ; умъ мечтательный,—въ своемъ безсиліи работать надъ дѣйствительностью,—обращается къ архаическому прошедшему, или къ фантастическому будущему, или вообще—въ сторону отъ дѣйствительности и фактовъ. Самый механизмъ происходящихъ при этомъ психическихъ курьезовъ изображенъ у Вересаева съ замѣчательной художественностью. Обыкновенно *умъ* его героя *усыпляется, или наркотизируется какимъ-либо чувствомъ* на болѣе или менѣе продолжительное время (нѣсколько дней), вслѣдствіе чего естественная умственная дѣятельность пріостанавливается, и получается картина какого-то гипноза, въ которомъ пребываетъ этотъ странный герой съ открытыми глазами, съ бодрствующими органами чувствъ и съ неповрежденнымъ умомъ, которымъ онъ, однакоже, не пользуется, оставаясь, всею своею душою, въ легкомысленномъ раб-

ствѣ чувства и—только одного чувства. Такое состояніе весьма художественно изображено на стр. 63—65 „Записокъ Врача“ слѣдующимъ образомъ:

Приглашенный къ женѣ сапожника герой „Записокъ“, очень мало и невнимательно изслѣдуетъ больную, потому что, въ своемъ мечтательномъ мышленіи, онъ унесся далеко отъ фактовъ, бывшихъ у него предъ глазами, а живое чувство, свойственное его натурѣ, держало въ плѣну его мысль. Къ первому предостереженію фактовъ онъ отнесся, какъ самъ говоритъ, съ полнымъ недоумѣніемъ и затѣмъ пересталъ разсуждать и пересталъ дѣйствовать. Остановивши, такимъ образомъ, у себя функціи ума и воли, онъ оставался при одномъ чувствѣ— „*обрадовался* ознобу“, который подтверждалъ его фантастическій діагнозъ, не изслѣдовалъ больной, боялся къ ней прикоснуться, жилъ легкомысленной радостью, что все идетъ хорошо. Впрочемъ, лучше передать эти психологическіе факты подлинными словами героя „Записокъ“.

„Впрыснувъ больной морфій, я ушелъ въ полномъ недоумѣніи. Къ вечеру температура съ потрясающимъ ознобомъ поднялась до 40%, у больной появилась легкая одышка, а боли въ печени стали еще сильнѣе. Теперь для меня не было сомнѣнія: какъ слѣдствіе дизентеріи, у больной образуется нарывъ печени; опухшая печень давитъ на легкое, и этимъ объясняется одышка. Я былъ очень доволенъ тонкостью своего діагноза.

Но разъ у больной нарывъ печени, то необходима операція. (Въ клиникѣ это такъ легко сказать)! Я сталъ уговаривать мужа помѣстить жену въ больницу, я говорилъ ему, что положеніе крайне серьезно, что у больной нарывъ въ внутренностяхъ, и что, если онъ вскроется въ брюшную полость, то смерть неминуема. Мужъ долго колебался, но, наконецъ, внялъ моимъ убѣжденіямъ и свезъ жену въ больницу.

Черезъ два дня я пошелъ справиться о состояніи больной. Прихожу въ больницу, вызываю палатнаго ординатора. Оказывается у моей больной... крупозное воспаленіе легкихъ! Я не вѣрилъ ушамъ. Ординаторъ провелъ меня въ палату и показалъ больную... Я вспомнилъ, что даже не догадался спросить ее о кашлѣ, даже не изслѣдовалъ вторично ея легкихъ, такъ я обрадовался ознобу, и такъ ясно показался онъ мнѣ говорящимъ за мой діагнозъ; правда, мнѣ приходила въ голову мысль, что легкія не мѣшало бы изслѣдовать еще разъ; но больная такъ кричала при каждомъ движеніи, что я прямо не рѣшался поднять ее чтобы какъ слѣдуетъ выслушать.

—Но вѣдь у нея сильно болѣзненны печень и весь животъ,—въ смущеніи сказалъ я.

—Да, печень немного болѣзненна отвѣтилъ врачъ;—хотя болѣе болѣзненна правая плевра.

—Да и весь животъ болѣзненъ.

Я чуть дотронулся до ея живота больная вскрикнула. Ординаторъ вступилъ съ нею въ разговоръ, сталъ разспрашивать, какъ она провела ночь. и постепенно всю руку погрузилъ въ ея животъ, такъ что больная даже не замѣтила.

—Ну-ка, матушка, сядь,—сказалъ онъ.

—Охъ, не могу!

—Ну-ну, пустяки! садись!

И она сѣла. И ее можно было выстукать, выслушать, и я увидѣлъ типическую крупозную пнеймонію, типичнѣе которой ничего не могло быть....

Особенности душевнаго склада у героя „Записокъ Врача",—особенности, мало соотвѣтствующія задачамъ медицины и призванію врача,—не могли не отразиться неблагопріятнымъ образомъ на его профессіональной дѣятельности. Розовыя надежды и неосновательныя ожиданія, рѣзко смѣняющіяся у него приступами упадка духа и отчаянія, должны были дѣйствовать на больныхъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, самымъ гибельнымъ образомъ. Это превосходно изображено въ сценѣ леченія жены суконнаго фабриканта (стр. 66—69). Поведеніе и слова героя представляютъ собою краснорѣчивый образецъ того, чего *не должно быть* въ дѣятельности врача. Онъ, самъ того не желая, терзалъ свою паціэнтку, заставляя ее переживать всѣ волненія, которыя самъ испытывалъ и, которыя,—точно ее дразня,—показывалъ ей. Врачъ долженъ быть спокойнымъ и сдержаннымъ, чтобы не колебать чувства у больного—не печалить и не возбуждать—и тѣмъ дать ему необходимый нравственный покой—первое условіе успѣха леченія. Врачъ не долженъ быть многообѣщающимъ и экспансивнымъ—и на это уже указалъ Гиппократъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Но еще болѣе, врачъ не долженъ быть печальнымъ, сомнѣвающимся, отчаявающимся. Такія чувства и такое поведеніе его были бы преступны въ отношеніи больного. Это вытекаетъ изъ самой психологіи больного человѣка.

Эту психологію мы объяснимъ небольшимъ сравненіемъ. Представимъ себѣ, что человѣкъ попалъ подъ судъ; надъ многимъ такой человѣкъ призадумается, и не послѣднее мѣсто въ его думахъ займетъ вопросъ о послѣдствіяхъ суда—о наказаніи. Если наказаніемъ будетъ замѣчаніе, выговоръ, кратковременное лишеніе свободы—то уже и это можетъ сильно тревожить человѣка. Но вообразимъ себѣ, каково будетъ состояніе подсудимаго, когда въ числѣ возможныхъ наказаній въ перспективѣ имѣется и смертная казнь. Такова въ дѣйствительности возможная перспектива въ случаѣ болѣзни. Человѣкъ, слегшій въ постель отъ незначительной болѣзни, можетъ и умереть. Это обыкновенная вещь!—и ничтожный флюсъ и пустячная заноза на пальцѣ ноги, какъ правдиво замѣчаетъ герой „Записокъ" (стр. 16) и всякая другая, незначительная въ началѣ и легкая, болѣзнь можетъ привести человѣка къ смерти. Это хорошо извѣстно людямъ, и потому всякая болѣзнь естественно тревожитъ человѣка. Врачъ не только организуетъ и направляетъ гигіеническія и лекарственныя мѣропріятія—это самая второстепенная часть его дѣла—но и становится рядомъ съ больнымъ—своей душой, своимъ сердцемъ, своимъ мужествомъ, спокой-

ствіемъ, терпѣливостью. Зорко слѣдитъ врачъ за настроеніемъ духа своего больного друга, и оба они—страдалецъ и цѣлитель—плечо къ плечу, душа къ душѣ, стараются выпутаться изъ сѣтей всегда коварной болѣзни. Но эту высшую и важнѣйшую часть своего труда—своего душевнаго усилія врачъ долженъ скрыть отъ больного по условіямъ самой техники дѣла леченія и долженъ сдѣлать ее незамѣтной, то отвлекая вниманіе больного, то шутя съ больнымъ, то маскируя свои чувства оболочкой напускного равнодушія, или холодной дѣловитости и множествомъ другихъ пріемовъ, которые, какъ материнская ласка няни, забавляющей дитя, указываются врачу его проницательностью, тактомъ, опытомъ и любовью къ страждущимъ. Тяжела эта сторона врачебнаго дѣла! О, какъ тяжела! Малѣйшія сомнѣнія врача, его колебанія и неувѣренность или дѣйствительная холодность и невниманіе тотчасъ замѣчаются больнымъ, потому что въ распознаваніи чувствъ и настроеній всѣ люди очень проницательны. Какъ въ морѣ, среди бури преступно и опасно малодушіе не только у правителя судна, но и у кого нибудь изъ пассажировъ, такъ преступно и недопустимо малодушіе, колебанія и нерѣшительность врача, а въ особенности его отчаяніе. Одинъ талантливый ученый, описывая бурю на морѣ, разсказываетъ, какъ капитанъ судна строго отнесся къ тѣмъ малодушнымъ пассажирамъ, которые на суднѣ, на виду у всѣхъ, проявляли свое отчаяніе и принялись за отходную и молитвы, навѣянныя страхомъ и отчаяніемъ среди бушевавшей стихіи. Онъ пригрозилъ имъ, что выброситъ ихъ живьемъ въ море, но потомъ приказалъ ихъ связать и запереть въ глубинахъ судна, а пассажирамъ кротко и спокойно сказалъ, что кромѣ тѣхъ малодушныхъ, которыхъ онъ заключилъ въ карцеръ, никто не погибнетъ—въ томъ онъ ручается своей собственной жизнью. Какъ только капитанъ судна показалъ свою *волю* и *мужество*, онъ всѣхъ успокоилъ! Тоже долженъ дѣлать и дѣлаетъ разумный врачъ. Онъ долженъ выработать въ себѣ самообладаніе и мужество, и эти качества, въ соединеніи съ любовью къ больному, дѣлаютъ чудеса—даютъ девять десятыхъ того полезнаго дѣйствія, какое дается остальными, фармацевтическими и гигіеническими условіями. Сила воли и мужество необходимы для врача и въ другомъ отношеніи: мужество, увѣренность и всякій стеническій (возбуждающій) аффектъ и настроеніе возбуждаютъ, усиливаютъ и ускоряютъ самый ходъ мыслей, самое теченіе представленій и даютъ такому врачу новую силу быть изобрѣтательнымъ и проницательнымъ въ распознаваніи хитрыхъ ходовъ болѣзни и въ организованіи противодѣйствія ей. Но если врачъ, подобно герою Вересаева, впадаетъ въ отчаяніе, въ сомнѣніе, колебаніе, неувѣренность, или иной астеническій (угнетающій) аффектъ и настроеніе—его мысль тотчасъ замедляется или становится на мертвую точку, а, вмѣстѣ

съ этимъ, падаетъ у такого врача тонкая проницательность. Легко понять, какъ грустна и безуспѣшна, у постели больного, была дѣятельность врача, который изображенъ въ „Запискахъ“ Вересаева. Его неумѣнье выработать въ себѣ мужество и силу воли повергало его въ отчаяніе при малѣйшихъ *трудностяхъ* и *опасностяхъ*, которыя неразлучны съ болѣзнью такъ, какъ неразлучны съ войной — недаромъ врача и солдата постоянно сравниваютъ. По своему характеру врачъ, художественно изображенный Вересаевымъ, былъ такъ далекъ отъ истиннаго пониманія идеала врачебной профессіи, что нетолько не могъ уразумѣть двухъ основныхъ, тысячелѣтіями провѣренныхъ, медицинскихъ афоризмовъ, но даже относился къ нимъ саркастически. Мы разумѣемъ афоризмы, выраженные въ словахъ: *поступай такъ, чтобы больной видѣлъ, что ты уже для него что то дѣлаешь*, и второй афоризмъ: *узнай, что больному помогаетъ и что вредитъ*. Тысячелѣтняя давность перваго афоризма избавляетъ его отъ подозрѣній, что онъ является мелкимъ шарлатанскимъ пріемомъ, назначеннымъ для фиктивнаго успокоенія больного. Нѣтъ! этотъ пріемъ имѣетъ цѣлью не *фактивное*, а *фактическое* успокоеніе больного и состоитъ въ нравственномъ обязательствѣ для врача—немедленно, съ перваго момента встрѣчи съ больнымъ—начать энергическую дѣятельность для его спасенія. Знакомство съ больнымъ—не простой теоретическій вопросъ, выводы изъ котораго будутъ сдѣланы завтра; это живая опасность, противъ которой надо брать мѣры сію же минуту, немедленно, и больной долженъ видѣть, что вы не дремлете, не колеблетесь, не остаетесь въ періодѣ размышленія, *но дѣйствуете*. Только при такомъ отношеніи врача, человѣкъ, впавшій въ опасное положеніе больного, можетъ нѣсколько успокоиться, и вы этимъ уже одержали первую важнѣйшую побѣду надъ болѣзнью: вы быстро мобилизировали ваши силы, и вашъ вѣрный союзникъ—больной видитъ это и вмѣстѣ съ вами напрягаетъ свои силы. Не пропустите же этого психологическаго момента, страшитесь отложить это до завтрашняго дня—въ этомъ смыслъ перваго афоризма! Второй, афоризмъ значитъ: постарайтесь узнать, каковы силы вашего больного, какова его чувствительность къ лекарствамъ, нѣтъ ли у него какихъ либо идіосинкразій т. е. особенной нервной чувствительности; узнайте все это зараньше, пока болѣзнь не развилась въ грозныхъ размѣрахъ. Узнавши это, вы будете давать ваши лекарства и принимать мѣры съ точнымъ знаніемъ условій, и вы будете избавлены отъ такихъ опасныхъ неожиданностей какъ тѣ, которыя содержатся въ идіосинкразіяхъ. Всѣ эти подготовительныя справки и работы — эти *ex juvantibus*, надъ которыми герой „Записокъ“ подсмѣивается, помогаютъ распознать и предусмотрѣть эту коварную идіосинкразію и зараньше рѣшить вопросъ о предстоящихъ опасностяхъ въ дальнѣйшемъ развитіи болѣзни и средствахъ борьбы съ ними.

Всего того, что нужно знать врачу и чѣмъ необходимо обладать, герой Вересаева не имѣлъ. Въ этомъ лежитъ причина его неумѣнья быть врачемъ, на что онъ безпрерывно, съ горечью и справедливо, жалуется (стр. 74, 162 и др.). Но быть можетъ, во всемъ этомъ, какъ думаетъ герой, виновата медицина со всѣми ея несовершенствами, которыя онъ такъ подробно описываетъ? Нѣтъ! потому что и за предѣлами медицины онъ обнаруживаетъ тѣ же нравственныя колебанія и тоже роковое безсиліе въ выработкѣ положительныхъ убѣжденій и дѣйствій. Онъ колеблется при всякомъ дѣлѣ, изобрѣтаетъ, подобно Гамлету, препятствія къ дѣйствію, и даже болѣе—онъ не можетъ придти къ мыслительному рѣшенію вопроса, не говоря уже о практическомъ. Оттого его дѣйствія носятъ характеръ какой то случайности, соприкасающейся лишь косвенно съ его мыслями. Такое состояніе представлено въ талантливыхъ живыхъ образахъ въ десятой главѣ книги. Усомнившись и разочаровавшись въ практической медицинѣ, герой „Записокъ Врача" рѣшается перейти къ научнымъ работамъ по теоретической медицинѣ и избираетъ предметомъ научнаго изслѣдованія вопросъ о роли селезенки въ борьбѣ организма съ различными инфекціонными заболѣваніями. Необходимы были вивисекціи; работа велась надъ обезъянами. Герой успѣлъ, по его словамъ, сильно привязаться къ обезьянкѣ; между нимъ и обезъяной установилась какая то связь и „мы многое стали понимать другъ въ другѣ говоритъ онъ" — словомъ, это нѣчто въ родѣ трогательной сцены, когда Тургеневъ, во время одинокаго переѣзда на пароходѣ изъ Гамбурга въ Лондонъ, по цѣлымъ часамъ держалъ въ своей рукѣ лапу бѣдной, печальной, привязанной на цѣпь обезьянки: геній, постигшій міровыя истины, рука объ руку съ маленькимъ звѣрькомъ, какъ два добрые товарища, два дѣтища, одной и той же матери... Нѣчто подобное испытывалъ и герой „Записокъ". Съ рѣдкой художественностью онъ изображаетъ психическое состояніе своей обезъянки, ея умъ, ея очеловѣченныя чувства, приводитъ кстати мысли философовъ о душѣ животныхъ, высказываетъ даже свое замѣчаніе, что ему *стыдно*, *неловко*, смотрѣть въ эти облагороженные страданіемъ, почти человѣческіе глаза животныхъ, умирающихъ отъ вивисекцій. Такой постановкой онъ какъ бы подготовляетъ самого себя и читателя къ тому, что онъ пощадитъ обезьянку и не сдѣлаетъ ее предметомъ кроваваго опыта и отравы. И въ этомъ не было бы ничего неестественнаго: при своей психологической проницательности, онъ могъ бы избрать иную научную карьеру, могъ-бы обойтись безъ ножа и яда и тѣмъ не менѣе способенъ былъ-бы глубоко проникнуть въ тайники сложнѣйшихъ явленій психической жизни, руководствуясь однимъ только художественнымъ чувствомъ. Онъ могъ бы напр. сдѣлаться психологомъ или психіатромъ, и подарить міръ научнымъ изслѣдова-

ніемъ, которое, по важности своей, ни въ чемъ ни уступило бы тому открытію, какое получится отъ предположенныхъ имъ опытовъ съ селезенкой... Но, вдругъ, и нежданно для читателя, онъ заявляетъ: (стр. 168—169).

„Мнѣ было непріятно самому вырѣзать у него (у обезъяны—самца) селезенку, и за меня сдѣлалъ это товарищъ. По заживленіи раны, я привилъ Степкѣ (такъ называлась обезъяна) возвратный тифъ. Теперь когда я входилъ въ лабораторію, Степка ужъ не бросался къ рѣшеткѣ; слабый и взъерошенный, онъ сидѣлъ въ клѣткѣ, глядя на меня потемнѣвшими, чуждыми глазами; съ каждымъ днемъ ему становилось хуже; когда онъ пытался вскарабкаться на перекладину, руки его не выдерживали, Степка срывался и падалъ на дно клѣтки. Наконецъ онъ ужъ совсѣмъ не могъ подниматься, исхудалый онъ неподвижно лежалъ, оскаливъ зубы, и хрипло стоналъ. На моихъ глазахъ Степка и околѣлъ.“

„Безвѣстный мученикъ науки, онъ лежалъ передо мною трупомъ. Я смотрѣлъ на этотъ жалкій трупикъ, на эту милую, наивную рожицу, съ которой даже смертная агонія не смогла стереть обычнаго комично-серьезнаго выраженія... На душѣ у меня было непріятно и немножко стыдно“.

Какой, во всемъ этомъ, нравственный диссонансъ! Вѣдь, если, по вашему убѣжденію, необходимъ этотъ опытъ, необходимо это жертвоприношеніе на алтарь науки, не будьте малодушны, сдѣлайте вашъ опытъ собственною рукою, поступите такъ, какъ поступилъ герой въ Тургеневской повѣсти „Муму“, утопившій любимую собачку собственными руками. Ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствіяхъ нашего героя; нѣтъ цѣльности, и чувствуется какой то непонятный диссонансъ: герой понапрасну указываетъ читателю на высокія переспективы, а на дѣлѣ идетъ самой шаблонной дорогой, самымъ избитымъ путемъ, покидая въ сторонѣ *высокое*, какъ ненужное украшеніе души, какъ пустую забаву ума. И обидно для читателя это странное поведеніе, въ которомъ воля безсильна поддержать чувства, а умъ, какъ маятникъ, одинаково покачивается и въ ту и въ другую сторону!

Оцѣнивая всѣ качества и черты, которыми надѣлена у Вересаева личность его героя, нельзя не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на его нравственномъ чутьѣ, которое такъ рѣзко отличается отъ шаткаго ума и слабой воли. Это чутье составляетъ самую выдающуюся черту характера героя „Записокъ“. Это человѣкъ—нравственно чуткій, въ полномъ значеніи этого слова, и принадлежитъ къ типу тѣхъ людей, главнѣйшія свойства которыхъ перечислены нами выше (стр. 7—8). Жизнь среди больныхъ, отвѣтственность, налагаемая медициной на врача, непрерывное напряженіе ума и воли представляютъ для подобной натуры задачу необыкновенно трудную и утомительную въ нравственномъ смыслѣ. Это является источникомъ тяжелаго нравственнаго самочувствія и основаніемъ тревогъ совѣсти. Всѣ, занимавшіеся и занимающіеся медициной, не чужды этого состоянія. Изъ устъ всѣхъ выдающихся людей врачебнаго міра не разъ раздавался

этотъ вопль души сочувствующей и сострадающей. Шарко не безъ основанія говорилъ, что атмосфера клиникъ и больницъ пропитана концентрированными человѣческими страданіями; тяжело проводить годы и цѣлую жизнь въ этой атмосферѣ! Душевное состояніе тѣхъ врачей, которые являются чуткими и отзывчивыми въ особенности тяжело: одинъ полонъ состраданія; другой несетъ на себѣ бремя отвѣтственности за теченіе болѣзни пользуемаго паціэнта, если оно, не такъ идетъ, какъ того желалъ онъ; иные утомлены безъисходностью и нескончаемостью этихъ вѣчныхъ тревогъ ожиданія, неразлучныхъ съ леченіемъ болѣзней. Наконецъ смерть паціэнтовъ для огромнаго большинства врачей—событіе далеко не безразличное. Но, въ особенности, тяжела отвѣтственность, которую врачъ всегда несетъ за теченіе болѣзни, и отъ которой ни одинъ врачъ себя не освобождаетъ. Все это для души чуткой является чрезвычайнымъ нравственнымъ бременемъ и составляетъ одну изъ причинъ поразительно высокой цифры самоубійствъ среди врачей. (Врачъ, изображенный Вс. Гаршинымъ, насмотрѣвшись картинъ тяжелой перевозки орудій въ распутицу на людяхъ, изнемогавшихъ отъ этой работы (въ Восточную войну) не могъ перенести этого вида и отъѣхалъ впередъ; когда колонна подошла, его нашли повѣсившимся на деревѣ). Врачъ, образъ котораго представленъ Вересаевымъ въ его „Запискахъ" относится къ этому типу чувствительныхъ людей. То, что переживалъ этотъ врачъ въ широкихъ размѣрахъ, переживаетъ всякій вообще врачъ въ той или иной степени, особенно въ началѣ своей карьеры. Въ этомъ отношеніи книга Вересаева можетъ быть названа зеркаломъ профессіональной совѣсти, и въ этомъ—безспорное и несомнѣнное достоинство этой книги, какъ бы ни смотрѣть на нее. „Записки Врача"—это жалоба души, которая несетъ одну изъ самыхъ тяжкихъ службъ въ обществѣ!

Въ типѣ врача, изображенномъ Вересаевымъ есть свои недостатки, которые указаны нами выше. Быть можетъ, такіе врачи приносятъ меньше пользы больнымъ, чѣмъ Стратоновы, Иванъ Семеновичи; но отъ нихъ—другая высокая польза: если они не столь односторонни душою, какъ герой Вересаева, они на дѣлѣ могутъ явиться живой неугомонной совѣстью врачебнаго сословія. Съ этой точки зрѣнія, какъ намъ кажется, слѣдуетъ оцѣнивать книгу Вересаева, какого бы взгляда мы ни держались относительно многаго другого, что содержится въ ней.

Въ совѣсти чувствительнаго врача, какъ въ зеркалѣ, отражаются недостатки врачебнаго сословія, и въ этомъ отношеніи книги, подобныя „Запискамъ Врача" очень и очень небезполезны. Для поясненія укажемъ только на одинъ примѣръ, на вопросъ о тѣловскрытіяхъ, какъ этотъ вопросъ представляется по книгѣ Вересаева. Что вскры-

тія необходимы и для пользы человѣчества и для развитія медицины —въ этомъ конечно никто не станетъ сомнѣваться. Если по этому поводу возникали сомнѣнія, то онѣ могутъ касаться скорѣе самого способа осуществленія этого, тяжелаго для всѣхъ и столь же неизбѣжнаго для всѣхъ, долга. Наука, законъ и общественный долгъ сдѣлали тѣловскрытія обязательными. Но необходимо эту обязательность закона смягчить человѣчностью исполненія. Пояснимъ это примѣромъ. Родные и близкіе люди не возмущаются и не протестуютъ, когда дорогого имъ человѣка, на войнѣ, посылаютъ подъ пули и на явную смерть, а передъ вскрытіемъ мертваго тѣла встрѣчаются протесты— здѣсь явное логическое противорѣчіе и самое безспорное недоразумѣніе, которое требуетъ разъясненій. Опытъ показываетъ, что тамъ, гдѣ врачъ даетъ эти разъясненія, коллизій между нимъ и родными покойника не происходитъ: почти всегда можно успокоить родныхъ и устранить или уменьшить ихъ страданія. Но для этого необходимо, чтобы врачъ, на первомъ планѣ, поставилъ не свое юридическое право, но свое человѣколюбіе и участливость, какъ то и приличествуетъ врачу по самой его профессіи. Если дѣло ведется такъ, то большею частью, никто не помѣшаетъ врачу въ исполненіи его тяжелаго долга. Такой смыслъ, несомнѣнно, имѣетъ въ книгѣ Вересаева описаніе коллизій при тѣловскрытіяхъ: въ этихъ описаніяхъ слышится протестъ не противъ самыхъ тѣловскрытій, но противъ возможнаго отсутствія деликатности и доброты, которая при этомъ требуется. Юридическое право и долгъ врача производить тѣловскрытія не исключаетъ ни естественныхъ чувствъ родныхъ, ни нравственныхъ обязанностей самого врача: врачъ долженъ оставаться человѣколюбцемъ въ отношеніи родныхъ вскрываемаго лица. Въ этомъ случаѣ примѣромъ для врачей могутъ послужить военные люди. На войнѣ командиръ части имѣетъ право посылать людей въ огонь и на смерть, но мы сплошь и рядомъ видимъ, что это юридическое право возвышается и смягчается нравственными аксессуарами, о которыхъ истинный военный человѣкъ никогда не забываетъ: *одинъ*, предъ крупнымъ сраженіемъ, кланяется въ поясъ и благодаритъ тѣхъ своихъ солдатъ, которые, по его слову, сейчасъ пойдутъ въ бой, *другой*, въ подобныхъ же обстоятельствахъ, обращается къ совѣсти и долгу солдата и говоритъ: „можете это сдѣдать, братцы,—сдѣлайте! а не можете, я такъ и доложу Государю, онъ другихъ пошлетъ вмѣсто васъ“. Какой возвышенный примѣръ подаютъ намъ эти талантливые военные люди: своему праву, своему законному требованію и приказу они предпосылаютъ нѣчто высшее— указаніе на священную обязанность, на нравственный долгъ! Если такъ поступаютъ Скобелевы и Драгомировы, то въ этомъ содержится для всякаго человѣка и серьезный примѣръ и нравственно-внушитель-

ный „показъ“. Очевидно и несомнѣнно, что и въ дѣлѣ тѣловскрытій необходимо считаться съ естественными чувствами людей; поэтому, врачамъ надлежитъ руководствоваться не однимъ только правомъ въ отвлеченной бездушной оболочкѣ, но и нравственными требованіями. Словомъ—врачъ, въ своихъ отношеніяхъ къ родственникамъ больныхъ и умершихъ, долженъ быть участливъ, человѣколюбивъ и терпѣливъ. При такихъ условіяхъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, никто не помѣшаетъ врачу исполнить его тяжелый долгъ тѣловскрытія. Въ этомъ содержится смыслъ требованій, предъявляемыхъ къ врачамъ въ книгѣ Вересаева.

Предъявляя врачамъ различныя требованія, соотвѣтствующія идеалу доброй врачебной совѣсти, авторъ, устами своего героя, не преминулъ обратить вниманіе на то, что эти идеальныя требованія, къ которымъ стремится сословіе врачей, превышаютъ силы человѣка, что самая профессія врача—не просто профессія, но нескончаемый подвигъ, который убиваетъ тѣло и способенъ подрывать даже душевныя силы человѣка. Вотъ какъ Вересаевъ изображаетъ внутренній міръ врача, обыкновеннаго русскаго врача (стр. 304—306).

„Я ѣхалъ на извощикѣ по пустыннымъ, темнымъ улицамъ; въ предразсвѣтномъ туманѣ угрюмо дрожали гудки далекихъ заводовъ, было холодно и сыро; рѣдкіе огоньки сонно мигали въ окнахъ. На душѣ было смутно и какъ то жутко—пусто. Я вспомнилъ свое вчерашнее состояніе, наблюдалъ теперешнюю разбитость,—и съ ужасомъ почувствовалъ, что я боленъ. боленъ тяжело и серьезно. Ужъ два послѣдніе года я замѣчалъ, какъ у меня все больше выматываются нервы, но теперь только ясно понялъ, до чего я дошелъ“.

„Все время нервы напряжены, все время жизнь бьетъ по этимъ нервамъ; чтобъ безнаказанно переносить такое состояніе, нужна громадная нервная сила, а между тѣмъ жить приходится такъ, что и самая желѣзная устойчивость должна нарушиться. Для меня нѣтъ праздниковъ, нѣтъ гарантированнаго отдыха; каждую минуту, отъ сна, отъ ѣды, меня могутъ оторвать на цѣлые часы, и никому нѣтъ дѣла до моихъ силъ. И вотъ съ каждымъ годомъ все больше обращаешься въ развалину—неврастеника; пропадаетъ радость жизни и любовь къ ней, пропадаетъ, еще страшнѣе, отзывчивость и способность горячо чувствовать. А между тѣмъ видишь, что это есть въ душѣ: стоитъ хоть немного пожить человѣческою жизнью,—и душа возрождается, и кажется, что въ ней такъ много силы и любви“....

„Мои товарищи—кто податной инспекторъ, кто акцизный чиновникъ, за спокойную, безмятежную службу они получаютъ жалованье, о какомъ я не смѣю и мечтать. Я даже лишенъ семейныхъ радостей, лишенъ возможности спокойно приласкать своего ребенка, потому что въ это время мелькаетъ мысль: а что, если съ своею лаской я перенесу на него ту оспу или скарлатину, съ которою сегодня имѣлъ дѣло у больного“?

Очертивъ этотъ тяжелый, нерѣдко убійственный трудъ врача, герой „Записокъ Врача“ впадаетъ въ тонъ грусти и безнадежности. Будь на его мѣстѣ не врачъ, а обыкновенный человѣкъ, онъ, вѣроятно, сказалъ бы себѣ: „перестану надрываться и убивать себя, не стану

губить здоровье и жизнь, буду работать для службы, сколько позволяютъ силы". Не такъ говоритъ врачъ! Жизнь среди страдающихъ людей дала ему другія чувства. Увидѣвъ тяжело больного, онъ забылъ о своей собственной бѣдѣ.

„Я вышелъ отъ больного и сѣлъ на извощика. . Я вспомнилъ то настроеніе, съ которымъ ѣхалъ сюда; настроеніе это мнѣ показалось удивительно мелкимъ и чуждымъ; не то, чтобы мнѣ было стыдно за него,—мнѣ просто было странно и непонятно, какъ я могъ ему отдаться".

Такова нравственная высота, на которую, поднимаетъ человѣка врачебная, профессія! Между тѣмъ, врачи работаютъ превыше силъ, и врачебное сословіе даетъ наивысшую цифру смертности и самоубійствъ. Горячая защита врачебнаго сословія, какую встрѣчаемъ у Вересаева, тѣмъ болѣе замѣчательна, что она слышится изъ устъ человѣка (героя „Записокъ"), относящагося строго, а иногда безпощадно къ профессіональнымъ недостаткамъ врачей. Въ своей книгѣ Вересаевъ нарисовалъ намъ *совѣсть* средняго [1]) русскаго врача. Эта совѣсть, какъ мы сейчасъ видѣли, заставляетъ людей работать превыше человѣческихъ силъ! И такая чрезмѣрная работа вызываетъ во врачебномъ сословій смертность, по своимъ размѣрамъ неслыханную для другихъ профессій. Если такъ, то эта *совѣсть средняго врача* есть истинная добрая совѣсть, какіе бы недостатки въ себѣ она ни находила!

Что касается собственно вопроса объ отношеніи героя книги къ медицинѣ — вопроса, который многихъ ввелъ въ соблазнъ, то намъ кажется, что книга Вересаева, въ равной степени, содержитъ какъ похвалу медицинѣ, такъ и порицаніе и является въ такой же степени укоромъ врачамъ, какъ и восхваленіемъ ихъ,—трудно сказать, что́ въ ней болѣе преобладаетъ. Можно утверждать, не боясь впасть въ ошибку, что колеблющійся, волнующійся, неустойчивый герой „Записокъ Врача" поминутно самъ мѣняетъ позицію и свои жестокія нападенія на медицину и врачей смягчаетъ и уничтожаетъ противуположнымъ отношеніемъ. Было бы, поэтому, несправедливо видѣть однѣ стороны, не обращая вниманія на другія. Но самымъ справедливымъ, быть можетъ, единственно справедливымъ отношеніемъ къ книгѣ будетъ взглядъ на нее, какъ на произведеніе художественное, къ которому можетъ быть примѣненъ единственный пріемъ оцѣнки—критика научно-литературная.

Это мы старались сдѣлать въ настоящемъ очеркѣ. Что въ книгѣ Вересаева содержится художественный отвѣтъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ психологіи и психической патологіи, т. е. на вопросъ

---

[1]) См. Журналъ „Міръ Божій", октябрь 1902 года, стр. 3-я.

о недоразвитыхъ характерахъ—это для насъ несомнѣнно. Столь же несомнѣнно, что книга даетъ цѣнный матеріалъ для профессіональной психологіи. Оба вопроса новы; умѣнье Вересаева дать художественный матеріалъ для рѣшенія этихъ вопросовъ придаетъ его книгѣ высшую цѣнность. Понятно, что съ нашей точки зрѣнія не представляется никакихъ основаній для полемики съ художникомъ. Не медицину изображалъ Вересаевъ—таково наше мнѣніе—но человѣка, который очень своеобразно воспринялъ медицину и не менѣе своеобразно отразилъ ее въ своей односторонней душѣ. Въ этомъ одинъ онъ повиненъ, если только здѣсь кто-нибудь съумѣетъ найти вину.

Если книга „Записки Врача" произвела значительное и особенное впечатлѣніе на читающую публику, о чемъ мы упоминали въ началѣ настоящей статьи, то намъ кажется естественнымъ, въ заключеніе нашего очерка, остановиться и на отношеніи изображеннаго художникомъ типа къ дѣйствительности.

Типъ, изображенный Вересаевымъ, это старый типъ хорошо извѣстный въ русской литературѣ—типъ колеблющагося, сомнѣвающагося, ноющаго, безсильнаго человѣка.

Типъ этотъ представляетъ собою основную національную черту русскаго человѣка, склоннаго къ страданію, нерѣшительнаго, часто непрактичнаго. Это—плоть отъ плоти и кость отъ костей русской души,—и въ этомъ кроется одна изъ причинъ симпатіи, связывающей автора и читателей. Русскому человѣку этотъ типъ близокъ, для иностранца онъ непонятенъ и непріятенъ. Иностранцу (P. L. Külz, Prof. Eulenburg) такой типъ кажется „неврастеническимъ, лишоннымъ свѣжей бодрости, способнымъ удовлетворить только славянскую душу склонную къ нытью и безнадежности" [1]).

Вторую причину увлеченія публики книгой Вересаева необходимо видѣть въ живомъ изображеніи того душевнаго безсилія и той слабости, которая особенно стала замѣтна въ наши дни. Художественный пріемъ автора, представившаго изображенную имъ личность въ образѣ врача, еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе; такъ какъ врачъ, по самому свойству своей профессіи, долженъ обладать твердой волей и рѣшительностью, свѣжей бодростью и постоянной дѣятельностью. Отсутствіе этихъ качествъ придаетъ самый печальный, безотрадный отпечатокъ личности изображаемаго героя. Это человѣкъ, произносящій много безсильныхъ, жалкихъ словъ, безплодно страдающій и ноющій, но неспособный выйти изъ своего положенія и сдѣлать что нибудь рѣшительное, или по крайней мѣрѣ, составить себѣ

[1]) Deutsche Medicinische Wochenschrift. 1902 г. № 29.

ясное понятіе о положеніи дѣла. Это человѣкъ—опустившій руки передъ дѣйствительностью, сваливающій вину со своей собственной слабой головы на среду, на внѣшнія условія—подобно герою „Записокъ", винящему во всемъ медицину вмѣсто самого себя.

Книга Вересаева вызвала въ публикѣ еще одно впечатлѣніе особеннаго рода, именно—чувство неудовлетворенія. Всякій, кто читалъ эту книгу, кто, по поводу ея, обмѣнивался мыслями съ другими, испыталъ подобное чувство. Въ книгѣ Вересаева—за исключеніемъ сценъ, изображающихъ внѣшнюю дѣйствительность и поражающихъ читателя, какъ поражаетъ путника, среди пустыни, богатый оазисъ —все остальное: самая личность главнаго героя и его дѣятельность производятъ непріятное и даже тягостное, удручающее впечатлѣніе. Постоянная неувѣренность и колебаніе героя, его жалобныя слова и неумѣніе понять и формулировать жизнь и ея задачи, наконецъ, феноменальная дряблость его воли родятъ въ читателѣ непобѣдимое чувство досады и раздраженія. Это чувство еще болѣе усиливается тѣмъ, что герой „Записокъ", безсильный, по своему уму и волѣ, двигаться впередъ, пытается и другихъ остановить, прибѣгая для этого къ избитому пріему *сомнѣній и запугиваній*, которыя возводятся имъ въ высокій рангъ *предусмотрительности и осторожности*. Онъ пугаетъ насъ идіосинкразіями (стр. 153-я), ошибками и опасностями, которыя будтобы повсюду разсѣяны, какъ песокъ морской и со всѣхъ сторонъ окружаютъ насъ (стр. 17—19-я); онъ требуетъ предварительной выработки какихъ то абсолютныхъ и безусловно вѣрныхъ и точныхъ данныхъ, для того, чтобы прописать самое простое и невинное лекарство, или произвести незначительную хирургическую операцію (стр. 152—154 и 156—157 и 160—165). Этими чрезмѣрными требованіями, навѣянными нерѣшительнымъ умомъ и слабой волей, онъ осуждаетъ медицину на полнѣйшую остановку и заключаетъ ее въ желѣзныя рамки неподвижности. Едвали нужно говорить о той опасности, которая вытекаетъ изъ подобнаго рода „осторожности". Подумаемъ, что́ было бы, если бы Вересаевскій герой находился нетолько въ предѣлахъ медицины, но и въ другихъ вѣдомствахъ! Тогда всѣ человѣческія учрежденія обратились бы, говоря языкомъ сатирика, въ обширнѣйшій Департаментъ Препонъ и Неудовлетвореній, и сама жизнь не могла бы сдѣлать шагу впередъ отъ этой „идеальной осторожности"...

Та крайняя осторожность, которой требуетъ отъ медицины герой Вересаева, есть проявленіе опаснѣйшаго вида индивидуальной и общественной болѣзни, есть плодъ дряблой воли и скованнаго ума. Это—та мрачная бездѣятельность,—то *animi remissio* и *mentis enervatio* среднихъ вѣковъ—та пессимистическая рефлексія новѣйшаго времени, гибельная для успѣховъ жизни и духа, которая ведетъ къ наростанію цифры са-

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 079338130

моубійствъ и душевныхъ заболѣваній [1]). Постоянно находясь въ состояніи болѣзненной осторожности, герой „Записокъ Врача“ заводитъ читателя въ дебри безысходныхъ сомнѣній, и этимъ раздражаетъ и испытываетъ его терпѣніе на каждомъ шагу совершенно также, какъ онъ испытывалъ терпѣніе выдержанаго Стратонова и добродушнаго Ивана Семеновича. Герой Вересаева—это типъ жалкаго современнаго человѣка, который возмущаетъ насъ своими недочетами, своею однобокостью (употребляя терминологію автора „Записокъ“) и своимъ нравственнымъ безсиліемъ. Современная психопатологія выяснила, что основной чертой такихъ характеровъ является недоразвитая воля. Авторъ „Записокъ Врача“ показалъ намъ на своемъ героѣ, что подобное недоразвитіе воли можетъ быть слѣдствіемъ недостаточнаго упражненія силъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ у общества, такъ и у отдѣльныхъ индивидуумовъ дряблая воля, мечтательность и порокъ бездѣйствія могутъ произойти нетолько въ силу прирожденной слабости воли, но также и вслѣдствіе недостаточной самодѣятельности.

Какъ на одну изъ частныхъ причинъ болѣзненной нерѣшительности и бездѣятельности, Вересаевъ указываетъ на недостаточность ученія, на слабое самостоятельное занятіе науками.

„Мы баричами посѣщали клиники, говоритъ герой „Записокъ“, проводя у постели больного по десяти—пятнадцати минутъ; мы съ грѣхомъ пополамъ изучали болѣзни“ (стр. 71-я).

Если такъ, если молодежь удѣляетъ не болѣе 10—15 минутъ на дѣло ученія—на дѣло, требующее трудовыхъ часовъ, и дней, и безсонныхъ ночей, и съ грѣхомъ пополамъ изучаетъ науки; если все это—такъ: то неудивительно, что у насъ народился новый типъ,—*Вересаевскій герой*, одинъ видъ котораго возбуждаетъ досаду и раздраженіе въ здоровомъ, бодромъ, дѣятельномъ человѣкѣ. Но, быть можетъ, въ этомъ раздраженіи кроется зерно новой жизни и общественнаго оздоровленія, и Вересаевъ является тѣмъ реактивомъ, которымъ опредѣлилась современная неудовлетворенность, недовольство дѣйствительностью и жажда новой дѣятельной жизни. Послѣднія строки книги Вересаева какъ бы указываютъ на возможность такого истолкованія.

---

[1]) Гефдингъ. Очерки Психологіи VII. В. 2 с. 3.